

РОССИЯ 2020: АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СЦЕНАРИИ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ

А.Ю. Мельвиль, И.Н. Тимофеев

<МЕЛЬВИЛЬ Андрей Юрьевич, доктор философских наук, проректор МГИМО (У) МИД России, Заслуженный деятель науки России; ТИМОФЕЕВ Иван Николаевич, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политической теории МГИМО (У) МИД России.>

Сценарии в политическом анализе

Профессия политика, по определению, требует умения жестко устанавливать цели и средства их достижения. Мышление профессионального политика, как правило, векторное и линейное – ресурсы и воля мобилизуются для достижения поставленного плана, разумеется, с учетом наличных и возможных препятствий и противодействий. В этой мыслительной парадигме будущее – это цель и прогноз ее достижения.

Для политического аналитика **будущее**, напротив, **вариативно и нелинейно**. Ему важно понять и уметь предвидеть неизбежные неопределенности развития, возможные точки бифуркации, наличие альтернатив избранным планам и стратегиям, а, следовательно – и возможные незапланированные результаты. Для этого часто используется сценарный подход, когда создается набор вариантов развития, каждый из которых является не прямой и буквальной экстраполяцией существующих трендов, а набором их предельных выражений, своего рода «крайних» идеальных образов, «гештальтов», если угодно.

Именно в этом смысле **сценарий кардинально отличен от прогноза**. Сценарный подход исходит из неопределенности будущего, недостаточности (а часто и невозможности) прямой экстраполяции сегодняшней ситуации, существования альтернатив в развитии, возможности оказывать влияние на выбор того или иного варианта будущего. Его ценность не в прогнозировании «единственного» будущего, с точки зрения той или иной избранной стратегии, а в очерчивании спектра «предельных» альтернатив, которые противостоят поставленной цели. Эти альтернативы почти наверняка не могут и не будут реализованы в том «предельном» виде, в каком описаны в сценариях. Но они фокусируют внимание на множественности реально существующих и так или иначе проявляющих себя трендов. Поэтому хорошо проработанные сценарии – это не абстрактно-умозрительные и произвольно построенные «фантазии о будущем», а обоснованные **коридоры возможностей** для стратегий, осуществляемых политическими лидерами.

Один из главных элементов при создании сценариев – выявление **«драйверов»**, т.е. «движущих сил» или переменных, которые оказывают воздействие на развитие той или иной ситуации. В зависимости от конкретного объекта сценарирования такими переменными могут быть те или иные политические или экономические факторы, демографические или

социокультурные детерминанты, технологические инновации или социальные расколы, стратегические выборы элит и др. Сочетание переменных и их воздействий рождает **интригу сценария**.

Примеров использования сценарного подхода в политическом анализе множество [например, Lindgren, Bandhold 2003; Schwartz 1996; Veer 2005; Ogilvy 2003], в том числе, применительно к России [Yergin, Gustafson 1995]. Еще в 1960-х годов сценарные разработки стали активно использоваться американскими аналитиками для разработки внешнеполитических стратегий. Одним из пионеров в этой области стала корпорация РЭНД, которая продолжает использование данного подхода вплоть до настоящего времени.

В период противостояния с СССР ключевым объектом исследований РЭНД выступали возможные сценарии отношений с Советским Союзом. Причем, окончание холодной войны далеко не упростило аналитические задачи американских политологов-сценаристов. Траектории развития постсоветского пространства стали значительно более неопределенными, что существенно усложнило задачу сценарирования российского будущего.

Так, в одном из аналитических материалов РЭНД, датированном 1991 г., отмечалось, что едва ли в мировой истории найдется страна, будущее которой одновременно столь неопределенно по всем ключевым переменным – в терминах ее политической структуры, экономики, территориального устройства и национального состава. Эта фундаментальная неопределенность проявляется в мирное время, что вообще делает советский случай беспрецедентным. В указанном докладе очерчивались два предельных сценария развития страны. Первый – сохранение СССР как единого централизованного государства. Второй – его распад. Исходя из этих коридоров возможностей, в докладе рекомендовалась самая активная финансовая поддержка правительства Горбачева и антикризисных реформ даже при условии сохранения Союза, но с выводом его экономики из-под контроля «авторитарной элиты». Неуправляемый кризис и переход дезинтеграции СССР в неконтролируемый распад рассматривались как крайне негативные явления, чреватые серьезными кризисами, вплоть до применения ядерного оружия [Horelick 1991].

Впоследствии «кризисная парадигма» будет оказывать весьма существенное влияние на американских аналитиков-сценаристов. В исследованиях постсоветского периода коридор возможных сценариев будет явно смещен в сторону негативных альтернатив. Примечательно, что подобный фокус сохранялся даже в начале 2000-х годов, когда в России начинался экономический подъем, а вопрос о ее дезинтеграции во многом потерял свою актуальность. Ярким примером в данном случае выступает работа сотрудников РЭНД «Оценка упадка России» 2002 г. Предполагалось, что масштабный кризис может быть спровоцирован разложением вооруженных сил, инфраструктуры и промышленности, резким спадом качества жизни. Кризисные явления связывались с техногенными и гуманитарными катастрофами, которые российское руководство, как утверждалось, в силу своей коррумпированности и слабости, не сможет контролировать. Исходя из этих посылок, конструировались возможные кризисные сценарии: этнические столкновения и гражданская война, инциденты на атомных объектах и складах ОМУ, стихийные бедствия,

конфликты с соседними государствами (такими, как Китай), региональные конфликты и др. Некоторые сценарные сюжеты могут показаться слишком гиперболизированными, но эта разработка делалась для ВВС США, с указанием степени и возможности их вмешательства в российские кризисные ситуации [Oliker, Charlick Paley 2002]¹.

«Кризисная парадигма» в сценарировании российского будущего имела и другое измерение. В разработках сценариев глобального развития потенциальная роль России рассматривалась как крайне несущественная. Примером могут послужить разработки Национального разведывательного совета США, проводившего серию сценарных исследований на основе экспертных опросов. Было составлено четыре сценария глобального будущего до 2015 г. (благоприятная глобализация, неблагоприятная глобализация, конкуренция регионов и постполярный мир). Ни в одном из них Россия не рассматривается как сколько-нибудь значимый игрок. Отмечалось лишь, что в 2015 г. Россия с наибольшей вероятностью будет представлять собой внутренне слабое государство с низким качеством жизни и все более усиливающимися тенденциями к авторитаризму. Такой подход к сценарированию российскому будущему сохраняется и в более позднем исследовании Совета с проекцией будущего до 2020 г. [см. Global Trends 2000].

Что касается российской исследовательской практики, то в постсоветский период можно было наблюдать явный всплеск интереса к сценарным разработкам. Из таких работ можно отметить материалы Клуба 2015 и Фонда ИНДЕМ в рамках серии исследований «Сценарии для России». Сценарный подход применяется как для изучения будущего России в целом, так и в отношении отдельных сегментов или проблемных областей – конституционного устройства, коррупции и т.п.² Интересные сценарные разработки были сделаны Фондом РОПЦ [Общий аршин 2002], Московским центром Карнеги [Россия: ближайшее десятилетие 2004]., Институтом экономических стратегий [см. Кузык 2004; Кузык., Яковец 2004] и др. [например, Россия и мир в 2020 году: 2005]. В российских сценарных исследованиях прослеживалась тенденция, кое в чем сходная с эволюцией западных аналитических продуктов. Значительное влияние на них оказывал опыт недавнего прошлого. Чем больше времени проходило, скажем, с момента кризиса 1998 г., тем менее утопичными выглядели оптимистичные

¹ Несколько более сбалансированный подход представлен в более раннем исследовании РЭНД «Источники конфликтов в XXI в.: будущее регионов и стратегия США». Вместе с тем, его сценарная матрица достаточно проста, предполагая позитивный и негативный сценарий, а также – проекцию в будущее существующих тенденций (сценарий статус-кво). Россия в этой матрице представляется либо как динамичная демократия с рыночной экономикой, либо как «больной человек Евразии». Проекцией настоящего в будущее здесь не является распад страны – в рамках сохранения статус-кво Россия представляется как игрок на постсоветском пространстве со смешанным политическим режимом [см. Khalilzad, Lesser 1998].

² Результаты сценарных разработок Клуба 2015 представлены на сайте <http://www.club2015.ru>. Там же содержатся работы по проблеме коррупции и конституционного устройства [см. Краснов, Сатаров, Федотов 2003; Сатаров, Благовещенский и Благовещенский 2005].

сценарии и тем меньший масштаб неопределенности закладывался в сценарные матрицы. Причем российские исследователи уловили эту тенденцию раньше западных коллег. Интрига сценариев российских исследователей сегодня все в меньшей степени определяется опытом кризиса 1990-х годов.

Четыре альтернативных сценария будущего России

В исследовательском проекте, начатом в МГИМО-Университете совместно с общественно-образовательным фондом «ИНО-Центр (Информация, Наука, Образование)» в 2006 г. и в настоящее время продолжающемся по линии Инновационной образовательной программы МГИМО, были разработаны четыре альтернативных сценария будущего России в 2020 г., в том числе с учетом динамики международной среды.

Разработка сценариев опиралась на серию экспертных семинаров, в которых, помимо ученых МГИМО³ и других московских экспертов⁴, принимали участие представители Российского государственного университета им. И.Канта, Дальневосточного, Томского, Уральского, Иркутского, Воронежского, Саратовского госуниверситетов и др.⁵.

Методология разработки сценариев предполагала выявление ключевых международных и внутривнутриполитических переменных и альтернативных вариантов их влияния на будущее страны. У каждого из этих сценариев своя интрига и свои мотивы. Условно говоря, это «увеличительные стекла», которые делают предельно «выпуклыми» некоторые из реально существующих трендов развития России и мира. Смысл их не в строго линейном прогнозировании или предсказывании конкретного будущего, а в аналитическом вычленении спектра его предельных вариантов. Но варианты не абстрактно-умозрительных, а опирающихся на конкретные проблемы сегодняшнего дня и вызовы, исторически свойственные стране.

К подобным проблемам-вызовам мы относим, во-первых, **влияние на Россию внешней среды**. Внешнеполитическая повестка нередко если не определяла, то существенно влияла на внутренние приоритеты российского развития. Достаточно вспомнить, что логика промышленного строительства и в целом экономического развития страны в XX в. во многом диктовалась потребностью ответа именно на угрозы извне. В этом смысле можно говорить об определенном сходстве цели сталинской индустриализации и задач развития периода холодной войны, в которых доминировала военно-промышленная составляющая. Россия не раз стояла перед выбором – либо включиться в глобальную конкуренцию, в том числе силовую, либо получить «очередные двадцать мирных лет», даже ценой уступок и сокращения своего внешнеполитического влияния. В последний раз попытка такого

³ Среди основных разработчиков проекта, помимо авторов этого материала, проф. И.Бусыгина и доц. М.Миرونюк. На начальных стадиях проекта в нем участвовали проф. Т.Алексеева, проф. М. Ильин и проф. О.Барабанов.

⁴ В частности, В.Лапкин и В.Пантин.

⁵ Ими, в частности, были проработаны своего рода региональные «преломления» наших четырех сценариев с учетом конкретной региональной специфики. Это дополнительное и чрезвычайно интересное содержательное измерение нашего проекта еще ждет своего осмысления.

стратегического выбора была предпринята в конце 1980-х годов, когда СССР/Россия в силу разных причин стала «выключаться» из глобальной конкуренции. На рубеже XX в. «маятник» качнулся в обратную сторону. Однако нельзя априори исключать, что выбор одной из этих альтернатив не может встать перед Россией вновь, пусть в отдаленном будущем. Сегодня в мире растет конфликтный потенциал, под большим вопросом нормы международного права, подвергаются эрозии ключевые договоры в области безопасности, возобновляется гонка вооружений. Раскачиванию ситуации способствуют и новые несистемные вызовы (терроризм, международная преступность и проч.). Ее дальнейшее развитие будет во многом определять и ответ России на эти вызовы. Независимо от того, будет ли он «симметричным» или «асимметричным», рост внешнего (и не обязательно только силового) давления на страну, так или иначе, в будущем может (и, скорее всего, будет) продолжаться. И напротив, гипотетически возможное снижение этого давления в силу тех или иных причин может способствовать переводу в иное качество и логику внутреннего развития страны.

Во-вторых, традиционным вызовом для России выступали вопросы ее **социально-экономической и политической модернизации**. Здесь коридор возможностей задают в значительной мере приоритеты национального развития, его агенты, методы и ресурсные источники и др. Как минимум на протяжении последних столетий Россия стремилась войти в число развитых государств мира, преодолеть свой периферийный или полупериферийный статус, вывести на передовой уровень свою экономику и качество жизни населения. В достижении этой цели страна испытала как крайности авторитарной и мобилизационной модернизации сверху, так и перегибы хаотического развития при ослаблении и деволюции государственной власти. На определенную перспективу нынешняя российская власть, судя по всему, сделала свой выбор в пользу государствоцентричной модернизационной модели. Однако как таковые иные альтернативы модернизационных стратегий для России не исчезли. В том числе в контексте проблемы сырьевой ориентации российской экономики, потребностей технологической и инфраструктурной модернизации, инновационного развития, роста «социального капитала» и т.п.

В-третьих, к числу важных проблем-вызовов можно отнести **качество и характеристики политического режима страны**, в том числе в терминах традиционной оппозиции авторитаризма и демократии⁶. Вопросы, связанные с демократией и демократизацией, у нас сегодня, в условиях «спрямления» пространства публичной политики, судя по всему, приобретают не столько нормативный, сколько утилитарный характер. В сознании большинства политического класса, как и в общественном мнении, направленность и перспективы режимных изменений в России все в большей степени стали связываться со способностью решать конкретные политические и социально-экономические проблемы страны. Например, осуществить эффективную модернизацию и обеспечить необходимое для этого перераспределение ресурсов, сохранить целостность и управляемость в стране, преодолеть

⁶ Разработка данной проблематики в рамках исследования осуществляется М.Г. Миронюком.

социальные расколы, ответить на иные внутренние и внешние вызовы. Существует тенденция перевода вопросов политической конкуренции, верховенства закона, политических прав и свобод в ракурс обсуждения соответствующих механизмов достижения конкретных целей и приоритетов в развитии страны. Нормативный вопрос о соответствии «демократическим стандартам» все в большей степени отходит на задний план. Но было бы большой ошибкой думать, что он полностью исчез из политического и аналитического дискурса в сегодняшней (и, особенно, завтрашней!) России. Как таковая, сама оппозиция авторитарной и демократической (при всей условности этих понятий) альтернатив в режимном развитии России сохранит свое значение и в обозримом будущем вновь может стать политически и идеологически актуальной.

В-четвертых, альтернативы в развитии нашей страны исторически определялись и ее **территориальной структурой – в том числе уровнем централизации и логикой отношений центра и регионов**⁷. Последнее столетие опять же продемонстрировало несколько «вдохов» и «выдохов» России, когда расширение территории страны и их жесткая централизация сменялись периодами дезинтеграции, локализма, нарушением единого политического и экономического пространства. В последнее время разительно изменилось как содержание, так и тональность оценок будущей динамики этой переменной. Прогнозы распада страны, столь модные в 1990-х годов, сегодня встречаются достаточно редко (опять же в соответствии с текущей политической ситуацией). Очевидно, вместе с тем, что в вопросе о балансе полномочий между центром и регионами, а также в вопросе о «кризисных» территориях ставить точку, по меньшей мере, преждевременно. Альтернативы и в этом ракурсе российского развития, похоже, сохраняются.

Эти четыре переменные, конечно же, далеко не ограничивают спектр параметров, на основе которых могут составляться сценарии будущего России. Но мы сознательно приняли их как определенные допущения, позволяющие, как минимум, структурировать многообразие разнородных факторов влияния на альтернативные траектории российского будущего.

Наконец, принципиально важным для нас было встраивание указанных выше переменных в сегодняшний живой контекст российской и международной жизни, включая динамику экономической конъюнктуры, тренды и разновидности глобализации, конфликтный потенциал и факторы управляемости международной средой, расклад сил в политической элите России, стратегические решения, принимаемые российской элитой, в том числе в части выстраивания отношений между центром и регионами, определения методов и приоритетов модернизации страны, выбора типа политического режима и др.

В результате проведенной экспертной работы и на основе выделенных переменных-«драйверов» были сформулированы следующие альтернативные сценарии будущего России в 2020 г.:

Сценарий 1: «Кремлевский гамбит»

В 2020 г. в мире продолжается экономический рост, сохраняются высокие цены на нефть. Страны «семерки» остаются в числе ведущих экономик мира.

⁷ Изучение этого проблемного поля осуществляется И.М. Бусыгиной.

Динамично растут Бразилия, Россия, Индия и, особенно, Китай. Их доля в мировом ВВП резко увеличилась. Глобализация продолжается, но при этом растет многообразие экономических и политических укладов и систем. Раскол между богатыми и бедными странами увеличивается.

В мире сохраняется значительный конфликтный потенциал – борьба за доступ к энергоресурсам, «черная дыра» в Афганистане и Ираке, конфликты на Ближнем и Среднем Востоке, иранский и северокорейский «тупики», новые конфликты в Закавказье и Средней Азии, исламский радикализм, международный терроризм, наркомафия и др. Нет прогресса в контроле над вооружениями. Но вероятность конфликтов глобального масштаба минимальна – ключевые мировые игроки конкурируют друг с другом, однако избегают резкого обострения отношений.

Похолодание в отношениях США и ЕС с Россией не привело к новой холодной войне, хотя продолжается критика внутренней и внешней политики РФ, ее стратегии «энергетической сверхдержавы».

В мире Россия выступает самостоятельным центром силы. Основа российского международного влияния – экспорт энергоресурсов и вооружений, модернизация армии, прагматичная дипломатия с упором на собственные интересы. Интеграция в международные институты (прежде всего, ВТО) прошла на выгодных для страны условиях.

Достичь этого Россия смогла благодаря политическому курсу, сохраняющему преемственность в экономике, внутренней и внешней политике и опирающемуся на поддержку общества. В экономической политике государство определяет ключевые стратегии развития и распределяет инвестиции. Основа продолжающегося экономического роста – энергетика. В отношениях государства и бизнеса доминирует государство. Оно контролирует энергетический сектор и приоритетные отрасли – ВПК, машиностроение, транспорт.

Во внутренней политике государство тоже определяет «правила игры». В системе «суверенной демократии» преобладает влияние исполнительной власти. У политической оппозиции нет ни ресурсов, ни общественной поддержки. Общество удовлетворено экономическим подъемом и ростом благосостояния, интерес к политике минимальный. Федеральный центр практически полностью контролирует ситуацию в регионах.

Главный приоритет государства – ускоренная модернизация стратегических отраслей экономики, рост благосостояния и укрепление позиций России в мире. **На шахматном языке, это – своего рода «гамбит», т.е. ограничение политической и экономической конкуренции в стране ради стратегической цели модернизации России.**

Сценарий 2: «Крепость-Россия»

Ситуация в мире в 2020 г. очень нестабильная и напряженная. Международное право и международные организации резко ослаблены. Роль силы в международных отношениях стала решающей. Идет новая гонка вооружений. Распространяется оружие массового уничтожения.

Россия фактически оказалась во враждебном окружении. Вдоль ее границ сложилась «дуга» реальных, тлеющих и потенциальных вооруженных конфликтов. США и ЕС решили, что «Россия потеряна», оставили надежды, что смогут влиять на развитие России в нужном для них направлении, и вернулись к политике «холодной войны» и «сдерживания». Они ставят всевозможные барьеры российскому бизнесу, идет жесткая борьба за энергоресурсы и пути их доставки. Цены на нефть скачут, и для России это очень невыгодно.

Украина и Грузия вступили в НАТО, на очереди – другие российские соседи. Американская система ПРО развернута у границ РФ. Россия признала независимость Абхазии и Южной Осетии. Сложился реальный союз России и Белоруссии. В Средней Азии пылают «старые» и «новые» очаги гражданской войны. Всю Евразию пытаются «делить» между собой США, ЕС и «новые игроки» – Китай, Иран, Турция и др. Россия – «в глухой обороне».

В мире много других конфликтов. Идет борьба между «старыми» (США, ЕС, Япония) и «новыми» (Китай, Индия и др.) центрами экономической мощи за энергетические и иные ресурсы. Помимо Ближнего Востока, центры глобальной нестабильности появились в «полевешей» части Латинской Америки, в Индонезии и Пакистане. Россия не участвует в этих конфликтах активно, но стремится использовать их в своих интересах.

Враждебное отношение Запада к России привело к оттоку капиталов, прекращению иностранных инвестиций. Резко возросли расходы на оборону. Приходится «затягивать пояса» – сокращается потребительский сектор, падают доходы, растут налоги. Все это, с учетом нестабильных цен на нефть и активного сопротивления энергетической политике РФ, значительно осложнило решение задач российской модернизации. Государство вынуждено мобилизовать все ресурсы для отпора внешним вызовам и угрозам, ради сохранения суверенитета, независимости и территориальной целостности. Блок «силовиков» определяет и внутривнутриполитические «правила игры». Политической оппозиции не существует. Произошла национализация компаний в ключевых отраслях экономики – топливно-энергетическом комплексе, машиностроении, транспорте. Резко растет ВПК, но растет и инфляция. В отношениях с регионами федеральный центр полностью доминирует.

Страна должна сплотиться, чтобы противостоять внешним угрозам, даже если это ограничивает некоторые индивидуальные права и свободы. Россия балансирует между мировыми центрами силы, возвышаясь как «крепость» над опасным «океаном хаоса».

Сценарий 3: «Российская мозаика»⁸

К 2020 г. в мире развивается глобализация «по западной модели». «Страны-лидеры» (США, члены ЕС, Япония) задают экономические, технологические и социально-политические стандарты, к которым стремятся все другие. Китай, Индия и такие «новые гиганты», как Бразилия, ЮАР, Южная Корея, Индонезия, Турция, Таиланд и др., сохраняют национальную специфику, но в целом идут вслед за Западом.

Мировая экономика устойчиво растет. Цены на нефть относительно низкие благодаря новым технологиям. Международные институты и организации (от ВТО до НАТО, ПАСЕ и ОБСЕ) определяют «правила игры» в мире. Международные конфликты не исчезли, но в целом находятся под контролем. «Государства-изгои» и такие «несистемные силы», как международный терроризм, исламский радикализм, наркомафия и международная преступность, вытеснены на мировую периферию.

Россия в новой международной системе играет «по правилам», которые была вынуждена принять. Она интегрирована в международные институты и стала членом западного сообщества, правда, не всегда на выгодных для нее условиях. Но Россия стала открытой страной, в нее идут масштабные зарубежные инвестиции и кредиты, растет благосостояние наиболее

⁸ Разработка этого сценария в рамках нашего проекта координировалась И.М. Бусыгиной

активной части населения и регионов, в наибольшей степени включенных в международное разделение труда. Однако идет и вывоз капиталов, утечка мозгов. Происходит децентрализация и суверенизация российских регионов. Регионы все в большей степени сами определяют свои стратегии развития, свою политику и правила, по которым живут. Одни, преимущественно дотационные регионы, сохраняют ориентацию на федеральный центр, другие опираются на собственные силы или поддержку партнеров извне. Между регионами усиливается конкуренция. Москва в это не вмешивается.

Государство больше не доминирует – и людям, и регионам предоставлен шанс жить «как им лучше». Растет коррупция и разрыв в доходах, но для активных и успешных открылись большие возможности.

Государственный сектор и государственное регулирование в экономике незначительны. Прошла масштабная программа приватизации и реприватизации отраслей, которые были фактически национализированы в первом десятилетии XXI в. (энергетика, транспорт и др.). Преимущества для ускоренного развития получают столичные и портовые города, регионы, богатые ресурсами, некоторые приграничные регионы.

Россия становится все более «мозаичной» и децентрализованной. Это вполне устраивает как внешний мир, так и наиболее активные и успешные регионы, которые могут максимально воспользоваться своими преимуществами.

Сценарий 4: «Новая мечта»⁹

В 2020 г. устойчивый рост мировой экономики обеспечивают прежде всего высокие технологии. Потребность в энергоресурсах высока, но цены на нефть постепенно снижаются. Сохраняется разрыв между «Севером» и «Югом», но мировое сообщество посредством ООН и других международных организаций стремится обеспечить устойчивое развитие, смягчить неравенство, урегулировать конфликты, обеспечить мир.

После успешной реформы ООН укрепилось международное право. Фактор силы в международных отношениях не является решающим. Международные полицейские силы под эгидой ООН контролируют наиболее опасные региональные конфликты (на Ближнем Востоке, в Средней и Центральной Азии, в Закавказье и др.). Новые центры экономической мощи (прежде всего Китай, но также Индия, Бразилия, ЮАР и др.) встроены в международное разделение труда. Устойчивое развитие, экология, здравоохранение, образование стали признанными международными приоритетами.

Россия – полноправный член современного мирового сообщества. ООН, а не НАТО, определяет «правила игры» в мире. Конфликты вдоль российских границ так или иначе урегулированы. Но влияние на постсоветском пространстве приходится делить с другими «игроками».

У России, наконец-то, возможности сосредоточиться на внутренней модернизации. Снижение цен на нефть заставляет искать интенсивные пути развития, повышать производительность труда, инвестировать в высокие технологии и человеческий капитал. «Российский прорыв» – лозунг нового поколения политиков в стране. К власти пришла новая политическая коалиция, которая не помнит «Советской власти» и не участвовала в «дележе» и коррупции 1990-х гг. Ее поддерживает молодая и наиболее активная часть населения.

⁹ Разработка этого сценария в рамках нашего проекта координировалась М.Г. Миронюком

В новую коалицию вошли молодые технократы с опытом работы в частном бизнесе, предприниматели из высоких технологических отраслей и сферы услуг, представители гражданского общества, молодые и успешные политики и деловые люди из российских регионов, стремящиеся и готовые «жить по-новому».

В государственном управлении наводится порядок, закон стал не «диктатурой», а правилом жизни, и не все к этому готовы. Приходится платить все налоги. Ликвидированы излишние бюрократические препоны для предпринимательской деятельности. В России впервые за ее историю возник влиятельный средний класс. Но разрыв между богатыми и бедными сохраняется. За медицину, образование, жилье тоже нужно платить самим, хотя есть система социального страхования и доступные кредиты. Личный успех – в твоих собственных руках.

Новое активное поколение России заинтересовано в открытой политической и экономической конкуренции. Это ее «новая мечта», которая постепенно становится реальностью.

Х Х Х

Повторим: в основе каждого альтернативного сценария – своя интрига и свое «предельное» сочетание «драйверов», отражающее возможные ключевые бифуркации в российском и международном развитии. Попробуем разобраться в тех интригах, которые были заложены в основу сценариев.

В основе сценария **«Кремлевского гамбита»** – гипертрофированная, доведенная до своего мыслимого предела логика стратегического плана, предлагаемого России ее нынешней властью. Его основная интрига в частичном «размене» политической и экономической конкуренции на стратегическую задачу модернизации «сверху» и укрепления международной роли России. Этот сценарий предполагает «асимметричный» ответ на растущие угрозы путем быстрого укрепления экономики и военной мощи, преимущественно административными методами. Он подразумевает также активное использование государством ключевых сырьевых активов для финансирования модернизации стратегических отраслей и социальной сферы, равно как и для давления на внешних контрагентов. Однако подобный «размен» имеет и свои пределы. Власть предпочитает излишне не «перегреть» политическую и социально-экономическую систему масштабами своего вмешательства и темпами модернизации. Сокращение конкуренции и модернизационные амбиции имеют вполне осязаемые границы, нарушение которых выведет систему из устойчивого равновесия. И нарушит, таким образом, политическую и экономическую стабильность, являющуюся одним из важнейших приоритетов для нынешнего российского истеблишмента. Поэтому в рамках этого сценария политические элиты предпочитают поддерживать минимальную политическую конкуренцию (прежде всего в целях собственной легитимации) и сотрудничать с бизнесом в реализации своих проектов.

Сценарий **«Крепости-России»** аккумулирует едва ли не весь «негатив» и все угрозы в современном мировом развитии и возможную предельно защитную реакцию на них. Цель национального сплочения и внутренней консолидации перед крайне враждебным окружением достигается ценой мобилизационной внутренней политики. Этот сценарий воспроизводит

весьма глубокий культурно-исторический архетип, укреплявшийся в России, по меньшей мере, на протяжении многих поколений. С одной стороны, он может быть соотнесен с опытом 1930-х годов, когда растущая международная напряженность и опыт недавних военных поражений заставляли бросать все силы на военно-промышленную модернизацию. Тот факт, что этот рывок, несмотря на все свои издержки, привел в конечном итоге к колоссальному прорыву, лишь повышает вероятность воспроизводства подобного сюжета в сходных международных условиях. С другой стороны, он соответствует и опыту холодной войны, когда мобилизация ресурсов для военно-стратегических целей превращала элиту страны в правящий класс супердержавы, а не периферийного государства-неудачника. Иными словами, «Крепость» подразумевает как бы вынужденное, подстегнутое извне нарушение границ, масштабов и интенсивности вмешательства режима в жизнь общества и политики, обозначенных в «Гамбите», во имя обеспечения безопасности страны. Политическая конкуренция полностью элиминируется не в силу какой-то особой «кровожадности» режима, а с целью максимального ускорения принятия и реализации решений в экстремальной ситуации. Это же относится и к исключению экономической конкуренции – мобилизация ресурсов для борьбы с внешними врагами требует жесткого подчинения экономики интересам государства. Это значительно более экстремальный сценарий, подразумевающий соответствующие перегибы в терминах каждой переменной. Сам же выбор элиты в пользу «Крепости» поддерживается укоренившимся культурным архетипом: в экстремальных внешних условиях российская элита и общество консолидируются, но не сдают позиции.

В сценарии **«Российской мозаики»** воплощены сохранившиеся в обществе и политическом классе России опасения повторения опыта 1990-х годов, угроза сочетания центробежных тенденций с эрозией государственности, потерей субъектности и подверженности внешним воздействиям (даже если это открывает новые возможности для предприимчивых и успешных людей и регионов). Если в сценарии «Крепости» границы «Гамбита» нарушались в сторону авторитарной мобилизации ради ответа на резко возросшие внешние угрозы, то здесь они смещаются в сторону деволуции центральной власти и хаотичного демонтажа государства. Иными словами, сценарий «Мозаики» не менее экстремален, чем сценарий «Крепости», правда, в противоположном смысле. В нем воспроизводится фрагментированное, эклектичное и неэффективное политическое поле, на котором активно играют иностранные контрагенты. Уход государства из экономики опять же создает лишь иллюзию свободного рынка – на деле страна теряет возможность использовать экономику в своих национальных целях. Симптоматично, что этот сценарий лишь внешне является следствием падения цен на нефть и другие ресурсы. Его основной «драйвер» – неспособность государственного аппарата и политической элиты справиться с экстремальной ситуацией, возникающей в мирное время. (Кстати, именно мирная обстановка позволяет внешним силам оказывать консолидированное давление на Россию). В отличие от «Крепости», в российской политической традиции явно не хватает «инстинкта самосохранения» именно в таких условиях. Наряду с этим, весьма свеж

прецедент резкого повышения статуса местных элит в результате распада единого государства в начале 1990-х годов. Поэтому на первый взгляд позитивное потепление международной обстановки самым непредсказуемым, нелинейным образом может обернуться для России сценарием «Мозаики».

Это не значит, однако, что подобное потепление нежелательно для страны. Сценарий **«Новой мечты»** предполагает условия, весьма схожие с вводными «Российской мозаики». Цены на основные статьи российского экспорта падают. Однако в этом сценарии политическая элита успешно купирует кризисную ситуацию. Эффективная борьба с коррупцией, конкуренция и верховенство закона рассматриваются как рациональные стратегии ее выживания в долгосрочной перспективе. В известной мере, этот сценарий экстремален – он также нарушает границы «Гамбита»: к власти приходит новое поколение политиков (раньше или позже это должно случиться!), у которых не остается другого выбора, кроме решительного и эффективного утверждения тех самых принципов, которые уже долгое время воспринимаются как удел сугубо развитых государств. Экстремален он и для общества – подобные задачи решаются только при его активном участии, что также несвойственно для России. По своей сути, «Новая мечта» задумывалась едва ли не как первый за долгое время прецедент, когда Россия смогла достичь заметного прорыва («Российский прорыв») в критической ситуации и в условиях мирного времени. Этот сценарий предполагает вынужденное вплетение в ткань российской политической культуры элементов, которые не были присущи ей ранее, но которые уже с конца 1980-х годов все в большей степени воспринимались в качестве нормативного образца для страны. Важно подчеркнуть, что конкурентные и высокоэффективные политические и экономические практики вызревают в этом сценарии самостоятельно, а не копируются с каких бы то ни было внешних образцов.

Четыре сценария в зеркале фокус-групп

Описанные выше сценарии в качестве определенных экспертных разработок, могут (и должны) быть предметом дальнейшей дискуссии экспертов. Однако без эмпирического тестирования их восприятия «простыми» гражданами страны они так и рискуют остаться сугубо аналитическими построениями, органично не встроенными в ткань общественного сознания. Именно такое тестирование позволяет ответить на вопрос о том, насколько обоснованны и «реальны» эти сценарии в системе политических и ценностных координат российских граждан. Как и на вопрос о том, какие сценарии кажутся наиболее желательными и вероятными для россиян и почему их выбор склоняется в пользу той или иной альтернативы?

Для ответа на эти вопросы в рамках нашего проекта была проведена серия фокус-групп¹⁰. Этот метод, прежде всего, позволяет обеспечить целостное восприятие респондентами всех четырех сценариев, что было бы

¹⁰ Пять фокус-групп проводились в Москве в марте 2008 г. компанией «Башкирова и партнеры» на основе совместно разработанного вопросника и «гайда». Московская «прописка» наших фокус-групп, по определению, вносит определенные искажения в полученные результаты, но не меняет их ценности.

невозможно при проведении, скажем, массового опроса. Кроме того, групповой характер работы дает возможность получения дополнительной информации в ходе углубленной дискуссии, направляемой специально подготовленным модератором. Небольшое (8-10) количество участников способствует концентрации на их глубинных предпочтениях, а также – детализации мотивов предпочтений и оценок.

Мы учитываем и то, что этот метод подразумевает весьма слабый уровень формализации. Информацию может также искажать групповая динамика (конформизм, эффект присутствия других и т.п.), а также неоднозначность интерпретации некоторых точек зрения.

Нужно подчеркнуть, что сценарии предлагались респондентам без их названий, просто как определенные содержательные блоки, что было призвано нивелировать возможные нормативные рамки и импликации, диктуемые конкретными названиями и их символикой.

Гипотеза нашего исследования предполагала, что существует зависимость оценки желательности и вероятности того или иного сценария от электоральных предпочтений избирателей. Исследование проводилось в промежутке между последними парламентскими и непосредственно после президентских выборов, когда электорат был максимально мобилизован, что делало политические предпочтения весьма привлекательной независимой переменной.

В соответствии с исследовательской гипотезой было проведено пять фокус-групп. Четыре группы были сформированы по партийному принципу. Каждая группа объединяла электорат четырех победивших на думских выборах партий («Единая Россия», «Справедливая Россия», КПРФ, ЛДПР) молодого, среднего и старшего возраста. Пятая группа состояла из молодых людей (от 18 до 25 лет), пропорционально представляющих электорат победивших партий. Как уже отмечалось, ограничителем исследования было то, что в них участвовали только москвичи – респонденты из других регионов, скорее всего, могут иметь несколько иные точки зрения на те или иные сценарные сюжеты. Кроме того, не представлен электорат иных партий, участвовавших в парламентских выборах (прежде всего, СПС и «Яблоко»), который также, скорее всего, будет иметь отличающуюся позицию в оценке сценариев.

Мы предположили, что, в том числе исходя из духа партийной риторики, представители ЕР и СР могут склоняться к выбору «Кремлевского гамбита» в качестве наиболее желательного и вероятного сценария, воспринимаемого как экстремальная проекция в будущее нынешней политики Кремля. Представители ЛДПР и КПРФ – в сторону «Крепости», с ее неоимперской риторикой и мотивом национальной консолидации перед опасностью внешнего врага. Молодежь – в сторону «Новой мечты», либо, в пределе, – в сторону «Мозаики».

Результаты проведенного исследования фактически **опровергли эту гипотезу**. Для нас этот **отрицательный результат является ценным позитивным знанием**. Оказалось, что влияние партийных предпочтений, равно как и возрастных характеристик, практически не влияет на восприятие сценарных альтернатив. Мы обнаружили достаточно широкий консенсус относительно предпочтения тех или иных сценариев. Кроме того, были

выявлены весьма слабые идеологические отличия между представителями различных идеологических и демографических групп в терминах их отношения к политической конкуренции, демократии, роли России на международной арене, территориального устройства и роли государства в экономике.

Зона консенсуса

Вероятность и желательность сценариев, независимо от электоральных предпочтений, была оценена нашими респондентами в следующей последовательности.

Вероятность (в порядке убывания):

Наиболее вероятный	«Кремлевский гамбит»
	«Российская мозаика»
	«Крепость-Россия»
Наименее вероятный	«Новая мечта»

Желательность (в порядке убывания):

Наиболее желательный	«Новая мечта»
	«Кремлевский гамбит»
	«Крепость-Россия»
Наименее желательный	«Российская мозаика»

Как и следовало ожидать, «Кремлевский гамбит» во многом воспринимается как продолжение и доведение до предела нынешних тенденций в стране. Именно поэтому он рассматривается и как наиболее вероятный. Это еще раз доказало, что опора на настоящее и ближайшее прошлое в оценках будущего присуща и экспертам, и политикам, и, как мы смогли убедиться, обычным гражданам. Вместе с тем, в рейтинге предпочтений, «Гамбит» занимает только второе, а не первое место. Хотя по результатам прошедших парламентских и президентских выборов можно было бы сделать противоположное предположение.

Оценивая положительные стороны «Гамбита», респонденты вполне обоснованно указывают на экономический рост, стабильность, некоторую консолидацию общества, рост международного влияния, возрождение стратегических отраслей промышленности.

«Люди довольны экономическим ростом», «нет войны» (ЕР), «поступательное развитие без резких рывков», «государство возвращается», «сильное государство обо всем заботится и является действительно головой в стране» (СР), «идем к чему-то целому» (КПРФ), «Россия – экономическая сверхдержава», «есть что-то положительное» (ЛДПР), «нравится тем, что не стало хуже», «прагматичный сценарий» (молодежь).

Вместе с тем, зависимость от цен на нефть и ограниченная политическая конкуренция вызывают беспокойство, в том числе у электората ЕР. Сторонники КПРФ склонны к наибольшей критике «Гамбита», хотя место этого сценария в структуре их предпочтений (по сравнению с другими сценариями) сходно с другими группами. Но, пожалуй, еще большим сюрпризом в отношении «Гамбита» является явное противоречие в оценках

перспектив сценария. С одной стороны, респонденты указывают на динамичный экономический рост. С другой – они слабо представляют себе направление и результат этой динамики.

«Нефть заканчивается», «завтра здесь отсутствует», «изоляция и застой», – констатируют сторонники «Единой России». *«Основой роста выступает все та же энергетика»,* – отмечают эсеры (при этом делая акцент на том, что нефтяные доходы должны распределяться согласно патерналистской логике). *«Жить будем только за счет нефти», «стоим на месте», «оппозиция у нас должна быть сильной»,* говорят коммунисты. *«Почувствовали себя пешками»,* – отмечают сторонники ЛДПР, уточняя при этом: *«Когда это мы не были пешками?»*. *«Медленно двигаемся, медленно развиваемся»,* – соглашаются молодые респонденты с вопросом модератора, хотя молодежь наименее критична в отношении «Гамбита» и это, пожалуй, единственное критическое замечание молодых людей в адрес данного сценария (их оценки настоящего более критичны).

Сценарий «Крепость-Россия» пробудил весьма негативные эмоции практически у всех респондентов. Затягивание поясов во имя стратегических успехов страны крайне непривлекательно для участников фокус-групп. Хотя некоторые элементы сценария и встречают одобрение. Например, патриотическое объединение страны перед лицом внешней угрозы. Тем не менее, никто из респондентов не хочет расплачиваться за общественную солидарность своими правами и качеством жизни (пусть и невысоким).

«Военные коммунизм», «все грустно и печально», «опять Россия сама по себе», «демократия нужна, а что, вы хотите в клетку, опять в тоталитаризм?», – вопрошают единороссы. *«Тревожный сценарий», «молодые думающие люди не должны этого допустить»,* – отмечают эсеры, однако оговариваясь, что *«истинные патриоты останутся»,* нравится, что *«повелева часть Латинской Америки, будет противовес США»*. *«Ничего хорошего, ситуация страшная»,* – говорит молодежь.

В некоторой степени, сюрпризом в отношении данного сценария стала его непривлекательность для электората, с которым часто ассоциируется ряд его ключевых элементов. Прежде всего, он не «покупается» электоратом КПРФ. Иными словами, те, кто голосует за эту партию, далеки от лозунгов национализации экономики и мобилизации во имя «светлого будущего»:

«Опасная вещь», «война», «как сейчас, только еще хуже».

Кроме того, в сценарий «Крепости» заложен весьма сильный «неоимперский» заряд, сторонником которого должен был, по нашему предположению, выступать электорат ЛДПР. Однако сторонники В.Жириновского также не склонны выбирать этот сценарий в силу его цены лично для себя:

«Приходится затягивать пояса», «падают доходы, растут налоги», «написан в госдепартаменте США».

Сценарий «Российской мозаики» воспринимается в еще более негативном ключе. В выборе между мобилизационным авторитаризмом «Крепости» и распадающимся государством «Мозаики» респонденты выбирают «Крепость». Подтвердилось наше изначальное допущение о том, что именно «Мозаика» концентрирует в себе наибольшие страхи

относительно будущего страны. Деволюция центральной власти, а в тенденции и распад единого государства при любых благах, которые может получить от этого отдельный индивид, воспринимается как однозначно неприемлемый сценарий. Иными словами, респонденты не готовы платить своими правами и качеством жизни за прорывы в логике «Крепости», но они, вместе с тем, не хотят жертвовать своим государством во имя личного обогащения в логике «Мозаики». Это, на наш взгляд, крайне важный результат, задающий своеобразный коридор легитимности будущего политического курса. Этот сценарий ассоциируется с хаосом, зависимостью от Запада, обогащением немногих и т.п.

«Слабая, немощная, неуправляемая, расколота Россия»; «Как в 91-м году»; «Нам такая глобализация не нужна» (ЕР); «Как в средневековье»; «В регионах рабовладельческий строй» (СР); «Развал страны по сегментам»; «Разрозненное государство легче добывать» (КПРФ); «Удельное княжество»; «В стране хаос» (ЛДПР).

Весьма симптоматично и то, что сценарий «Мозаики» расценивается как весьма вероятный, т.е. страх распада страны обладает вполне реальными очертаниями. Это объяснимо в случае участников среднего и старшего возраста. Они наблюдали и переживали распад Советского Союза, превращение страны из супердержавы в конгломерат независимых республик. Но гораздо более удивительным было воспроизводство подобного образца восприятия молодежью, которая не социализировалась в советский период. Молодежь в оценке этого сценария не менее чем представители других поколений восприимчива к сюжету приоритета целостности страны:

«Мрачное будущее», «Все сами за себя», «Государство такого не допустит никогда».

Наконец, «Новая мечта» считается наиболее желательным, но и наименее вероятным сценарием. Все респонденты хотели бы жить в технологически развитой стране, с сильным средним классом, с широким спектром личных возможностей.

«Мы хотим там жить, чтобы наши дети там жили»; «Цивилизованное государство» (ЕР); «Полноправный член мирового сообщества» (СР); «В стране навели порядок, во всем мире порядок»; «Модель нормального государства» (КПРФ); «Российский прорыв зацепил меня» (ЛДПР); «Если брать все вместе, то хотел бы» (молодежь).

Не меньшие симпатии вызывает верховенство закона и политическая конкуренция. Наиболее интересной здесь кажется высказывание респондента из группы КПРФ:

«Многопартийность должна быть все-таки реальная, а не мнимая. Почему я за КПРФ? Потому что должно быть столкновение, конкуренция какая-то в политике!»

Однако присутствуют и явные опасения относительно цены этого сценария – платного образования, медицины, жилья, разрыва между средним классом и неимущими. Ностальгия по сильному патерналистскому государству по-прежнему достаточно распространена среди респондентов.

«Получается, что богатые богатеют, а бедные беднеют» (ЕР); «Приходится платить все налоги», «Разрыв между богатыми и бедными сохраняется»; «То, что надо будет платить за образование, мне не нравится» (СР); «И медицина за свой счет, и все остальное» (КПРФ); «Влияние на постсоветское пространство приходится делить с другим»; «За все платить самим» (ЛДПР); «Разрыв между бедными и богатыми сохраняется» (молодежь).

Интересно, что при этом практически никто из респондентов не видит себя в качестве маргиналов в этом сценарии.

Зона разногласий

Мы отметили, что восприятие желательности и вероятности альтернативных сценариев будущего России в целом может рассматриваться как предмет консенсуса среди участников фокус-групп. Однако это не значит, что группы, сами по себе, по своим оценкам и восприятиям одинаковы. У них разная стилистика восприятия и оценок. Отличается их мотивация и акценты на тех или иных частях сценариев.

Так, электорат «Единой России» достаточно оптимистично воспринимает текущую ситуацию, хотя и считает (как ни парадоксально!), что ее проецированию в будущее в рамках «Кремлевского гамбита» не хватает динамизма и некой привлекательной цели, «драйва». «Единороссам» присуща и достаточно большая широта оценок – сказывается попытка широкого охвата электората (в духе *catch-all party*):

«Выходим из бардака»; «На подъем пошли, возрождение»; «Это не 90-е годы»; «Прижали олигархов»; «Спорт поднимается»; «Храмы восстанавливаются». И вместе с тем: «Отсутствует выверенная экономическая программа»; «Количество управленцев выросло несоизмеримо задачам, которые они решают»; «Дармоедов стало больше»; «Инфляция – это следствие непродуманных шагов»; «Масса популизма».

Сторонникам «Справедливой России» свойственен акцент на социальной и патерналистской составляющей, едва не переходящий в материальную приземленность и меркантилизм. Именно им свойственно желание наибольшего вмешательства государства в производство и перераспределение национального богатства:

«До 12 года подорожает вдвое электроэнергия для нас»; «Пенсия будет женщинам в 60, мужчины вообще не доживают»; «Нет среднего класса, у нас либо нищие, либо богатые»; «Хотелось бы видеть достаточно обеспеченную старость»; «Нам здесь места нет – придется работать на лечение»; «К тому времени будут дети, нужно будет думать, куда мне их пристроить, поскольку все будет платно»; «Если за все платить как сейчас – это ужасно».

Коммунисты также уделяют внимание социальной составляющей в духе социал-демократических идей, однако гораздо в большей степени им свойственна критика текущей ситуации:

«Человек сегодня не может заработать на жилье»; «Работать (по специальности) нигде»; «Заводы закрыты»; «Огромное количество платных клиник»; «Землю всю выкупят, она станет частной».

собственностью»; «Раньше образование что-то значило, а сейчас нет»; «Сейчас чтобы военному квартиру купить, надо Родину продать»; «У нас в профсоюзах раньше путевки все время».

Особенно бросается в глаза обеспокоенность именно проблемами политической конкуренции:

«Альтернативы как будто никакой нет»; «Раз власть выдвигает, значит все тупо и слепо идут, голосуют»; «Задолбали по телевизору»; «Альтернатив не было из четырех кандидатов»; «Опять же будут преемники»; «Оппозиция у нас должна быть сильной... оппозиция должна где-то что-то сказать свое»; «До выборов обещают, после выборов тянут одеяло на себя, не думают о стране».

Сторонникам ЛДПР в большей степени свойственен пессимизм в отношении как настоящего, так и будущего. Респонденты этой группы имеют устойчивый материальный достаток. Они трудоустроены и по факту не являются маргиналами. Но в их оценках любых сценариев в целом присутствует значительный негатив:

«Ощущение нестабильности, неустойчивости только растет»; «Фабрики все развалены»; «Спад в темпах роста производства»; «Сельское хозяйство на нуле»; «Все в основном привозное сейчас»; «Все идет к очередному дефолту и обвалу»; «В глубинке, там вообще ад, что творится».

Еще один акцент, свойственный восприятиям сторонников ЛДПР – болезненная реакция на возможность ущемления роли России в мире:

«На Дальнем Востоке к 20-му году станет вопрос как в Косово»; «Должны сами подниматься, а не зависеть от западных стран»; «Сейчас ситуация однополярного мира ... мы не играем ключевую роль в мировой политике».

Наконец, молодежь весьма критична в отношении текущей ситуации, но наиболее оптимистична в отношении будущего, в том числе, в терминах «Кремлевского гамбита». Молодые люди категорически отвергают модель «одномерной» России в пользу конкуренции и открытых возможностей. Им свойственна вера в личный успех, перспективы и возможности:

«Свобода слова, свобода мысли есть»; «А вот свободы изменить свою страну, этого у нас нет»; «У народа обязаны быть рычаги для управления этой властью»; «Я не считаю, что к России нужно испытывать жалость ... я видела более бедные страны»; «Мы в процессе становления находимся сейчас»; «Если раньше все молчали, то сейчас все высказываются»; «Если мы их выбираем, значит, они что-то сделали, чтобы мы их выбрали»; «Возможно, будет все более или менее ровно»; «Мне кажется, что в 2020 г. Россия перейдет от получения доходов с сырьевых отраслей, на научно-техническое производство».

Некоторые выводы

Какие же выводы можно сделать на основе проведенного анализа (даже с учетом тех ограничений, которые по определению встроены в общую методологию фокус-групп и их конкретную композицию в нашем исследовании)? Вот, наш взгляд, некоторые из них:

Прежде всего, все четыре альтернативных сценария будущего России в 2020 г., сформированные на основе экспертных разработок, достаточно хорошо **«узнаются» участниками фокус-групп как возможные траектории развития страны и мира.** Конечно, в наибольшей степени это характерно для «Гамбита», который вообще воспринимается как наиболее вероятная проекция стратегического плана нынешней власти для России на ближайшие 12 лет. Но и «Крепость-Россия», и «Российская мозаика», и «Новая мечта», по крайней мере, в качестве узнаваемых фрагментов отчетливо присутствуют на уровне массового сознания. **Представления о наличии альтернатив, воплощенных в четырех сценариях будущего, и вообще о вариативности российского и мирового развития являются отличительной чертой взглядов наших респондентов.**

Конечно, взгляды наших респондентов не покрывают весь спектр современного российского общественного сознания – мы об этом сами говорили применительно к ограничителям, встроенным в методологию фокус-групп. Более полная картина требует повторных исследований, в том числе, с использованием расширенного набора инструментов.

Тем не менее, позволим себе некоторые обобщения. Результаты проведенных фокус-групп, на наш взгляд, позволяют предположить, что массовое сознание в России (с учетом экстраполяции выводов, полученных на изучении определенного его сегмента) сегодня **не так фрагментировано** в представлениях о будущем страны, как об этом иногда думают. По крайней мере, эта **фрагментация не определяется партийно-идеологическими и электоральными предпочтениями.** Прослеживается **значительный консенсус** по ряду принципиальных вопросов российского будущего, таких как целостность страны, необходимость политической и экономической конкуренции, стремление к инновационному развитию, преодолению периферийного положения и др.

Этот вывод идет несколько вразрез с достаточно устойчивым в современном российском дискурсе стереотипом, который исходит из наличия в стране острых идейно-политических разломов по таким линиям, как, например, *правовое государство vs жесткая рука; свобода vs порядок; демократия vs авторитаризм; реформы vs контрреформы; Запад vs Восток* и др.

Наше исследование, напротив, показало, что **траектории и альтернативы будущего страны могут восприниматься в иной логике.** Верховенство закона, эффективность административного аппарата, возможность влиять на принятие решений, политическая конкуренция, возможности для личного роста, открытость внешнему миру – все эти ценности демократического дискурса воспринимаются как *sine qua non*. Желательность и необходимость этих норм-ориентаций практически не является предметом разногласий. Но это же относится и к тем ценностям, которые у нас принято называть «патриотическими» – желательное будущее России в сознании респондентов однозначно связано с представлением о Великой Державе, уверенной в своих силах и совершенно не зависящей ни от кого и ни от чего.

Иными словами, **патриотизм и демократия не воспринимаются респондентами как противопоставленные альтернативы.** Независимо от

партийных предпочтений, участники фокус-групп достаточно единодушно выступают за приоритет личных прав и политической конкуренции, а не авторитарного порядка и «жесткой руки», оправдываемых требованиями мобилизационной модернизации «сверху» или противостояния внешним угрозам. Но при этом они уверены, что демократия в России должна вырасти самостоятельно, без подсказок из-за рубежа. Ценой демократии категорически не может быть подчинение каких бы то ни было интересов России ее зарубежным контрагентам. Обращает на себя внимание, что участникам фокус-групп свойственно все же достаточно **подозрительное отношение к внешнему миру, несмотря на явное неприятие идеи нового «железного занавеса»**. Они хотят сильной, уверенной в себе и самостоятельной России, однако с гарантированными для ее граждан возможностями политической конкуренции и участия, оказания влияния на принятие решений. Наши респонденты с удовлетворением отмечают начавшееся движение к первой цели, но не видят зримых признаков движения ко второй и явно не хотят ею жертвовать.

При этом есть **альтернативы, реализации которых респонденты не хотят ни при каких условиях: ни распад страны под лозунгами демократии, ни авторитарная мобилизация их категорически не устраивают**. Траектории развития страны в логике «Мозаики» или «Крепости» представляются респондентам нелегитимными. И это неспособны компенсировать ни возможность личного обогащения в условиях хаоса, ни перспектива безопасности государства в условиях всеподавляющего авторитарного порядка. Тем самым, общественные предпочтения задают иную повестку будущего России. Нет никакой необходимости жертвовать гражданскими правами и политической конкуренцией ради ускоренной модернизации и статуса великой державы. Или наоборот – ущемлять национальные интересы ради политической и экономической конкуренции.

Как уже отмечалось, проекция плана нынешней власти в будущее воспринимается участниками фокус-групп в качестве наиболее реалистичного и вероятного сценария. Но, принимая вариант «Гамбита», они, тем не менее, хотят гораздо большего – **стратегии прорыва и интенсивного развития, нового видения будущего, свежих идей, новых технологий, свободной конкуренции в политике и экономике, возможности влиять на принятие решений**.

Вообще, отношение респондентов к сценарию «Кремлевского гамбита» не похоже на представления о «светлом будущем» советского образца. **Будущее воспринимается нелинейно** – нет той точки, в которую нужно обязательно прийти любой ценой. Это, кстати, отличает предпочтения участников наших фокус-групп и от распространенных иллюзий первых постсоветских лет о «западном» пути как главном векторе российского развития. Похоже, что респонденты распрощались (на время?) с представлениями о «больших целях» развития и рассматривают будущее страны и свое собственное в прагматическом ключе.

Мы сознаем, наконец, что наши выводы о значительном консенсусе относительно будущего России не стоит абсолютизировать. Мы видели, что на фоне согласия в восприятии сценариев будущего, существует также и

значительная зона разногласий о российском будущем, связанная, в том числе, с оценками настоящего. Фальсификация нашей изначальной гипотезы говорит о том, что **линии разломов в восприятии сценариев будущего не определяются партийными предпочтениями.** (Заметим, что это ставит вопрос и о специфике тех партий, которые представлены в нынешней Государственной Думе.) Но все это далеко не означает отсутствия иных оснований для различия идейно-политических предпочтений в отношении будущего России, которые еще предстоит выявить в дальнейших исследованиях. В любом случае, **представления о возможных альтернативных траекториях развития страны и мира глубоко встроены в идейно-политическое сознание современной России.**

Краснов М.А., Сатаров Г.А., Федотов М.А. 2003. Россия 2015 г.: судьба конституционно-политического устройства. – *Россия между вчера и завтра*. Книга первая, экспертные разработки. М.: ИНДЕМ, www.club2015.ru/FileDownload.asp?FileID=%7B39B408E4

Краснов М.А., Сатаров Г.А., Федотов М.А. 2003. Россия 2015 г.: судьба коррупции и судьба России. – *Россия между вчера и завтра*. М.: ИНДЕМ. – <http://www.anti-corr.ru/indem/2015/Corr2015.htm>

Кузык Б.Н. 2004. *Россия в пространстве и времени*. М.: Институт экономических стратегий.

Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. 2004. *Россия 2050 – стратегия инновационного прорыва*. М.: «Экономика». Также <http://www.kuzyk.ru/allbooks/index.phtml>

Общий аршин. Эксперты о будущем России. 2002. Под ред. С.И.Каспэ. М.: Европейский деловой клуб в РФ, Фонд «Российский общественный политический центр», Комитет «Россия в объединенной Европе».

Россия: ближайшее десятилетие. 2004. Под ред. Э.Качинса и Д.Тренина. М.: Московский центр Карнеги.

Россия и мир в 2020 году. 2005. М.: Издательство «Европа».

Сатаров Г., Благовещенский Ю., Благовещенский Н. 2005. *Что будет с Россией? Политические сценарии до 2008 года*. Аналитический доклад ИНДЕМ. – <http://www.indem.ru/satarov/KrRoss2008.htm>

Horelick A.L. 1991. *The Future of the Soviet Union: What is the Western Interest?* Rand/UCLA Center for Soviet Studies Occasional Paper Series. – http://rand.org/pubs/occasional_papers-soviet/

Global Trends 2015: A Dialogue about the Future with Nongovernment Experts. 2000. NIC, December.

Khalilzad Z. Lesser I. (eds). 1998. *Sources of Conflict in XXI Century. Regional Futures and U.S. Strategy*. Rand: Project Air Force. – http://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR897/

Lindgren M, Bandhold H. 2003. *Scenario Planning: The Link between Future and Strategy*. Palgrave Macmillan.

Oliker O. Charlick Paley T. 2002. *Assessing Russia's Decline: Trends and Implications for the United States and the U.S. Air Force*. Rand: Project Air Force.

Ogilvy J.A. 2003. *Creating Better Futures: Scenario Planning As a Tool for a Better Tomorrow*. Oxford University Press.

Schwartz P. 1996. *The Art of the Long View: Planning for the Future in an Uncertain World*. Doubleday Business.

Veer J. van der (ed). 2005. *Shell Global Scenarios to 2025*. Royal Dutch/Shell Group.

Yergin D., Gustafson Th. 1995. *Russia 2010: And What It Means for the World*. Vintage.